

Не побоюсь смелого сравнения: акт творчества подобен акту любви. Только представим, что люди пришли в ЗАГС, а от них требуют наглядного свидетельства, что они действительно любят друг друга, а не вступают в брак по каким-то иным соображениям?

Теперь о практике экзамена «Этюд». Трижды я принимал такие экзамены, набирая студентов для своего семинара. Не припомню ни одного выдающегося сочинения. Мало того, могу с полной ответственностью заявить, что студенты, которые в дальнейшем ярче других проявляли себя, в тех вступительных этюдных сочинениях выглядели беспомощными. Один абитуриент, чувствуя себя плохо, вообще намеревался отказаться от самой идеи поступления в институт. Я дал ему денег на лекарство, он отлучился на полчаса, подлечился и со скрипом написал этюд.

Из запомнившихся этюдов могу назвать работу абитуриента Седова на тему «Мой первый автомобиль», в которой он описал, как его везли в вырезанной, а он воображал себе, что купил машину и едет на ней по родному городу. С трудом отучившись потом полтора года, Седов бросил институт.

Совсем иное дело этюды, которые студенты пишут по заданию мастеров во время обучения. Это вещь очень полезная, обучающая студентов втискивать себя в рамки заданной темы. Практика показывает, что многие такие этюды затем по достоинству попадают в дипломную работу. В последнее время я даже стал называть этюды более строго: курсовая работа. Слыша такое словосочетание, студент с большей ответственностью подходит к выполнению задания, понимает, что это является возможностью отчитаться за очередной курс обучения. Но если студент не выполняет задания, но при этом может представить на суд иное сочинение, заслуживающее хорошей оценки, я нахожу возможным освободить его от заданной курсовой работы.

В. Ю. МАЛЯГИН*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ДРАМАТУРГА

То, что этюд — эффективный способ преподавания литературного мастерства, а особенно на первоначальном этапе, — думаю, нет нужды доказывать и даже объяснять высоким профессионалам своего дела. Хотелось бы поразмышлять о другом... Да простится мне использование заумно-философских категорий — об онтологии и даже, извините за выражение, об экзистенции этюда.

* * *

Какова же онтология литературного (и конкретно — драматического) этюда?

Обращаясь к двум видам искусства — живописи и музыке, мы также находим там понятие (и не только понятие, а работающую форму) этюда. Но, размышляя над этюдом в живописи и музыкальным этюдом, мы обнаружи-

* Владимир Юрьевич Малягин — драматург, прозаик, сценарист, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара драматургии, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

ваем, что эти явления, обозначаемые одним словом, — далеко не синонимы в своём смысловом значении, в значении тех задач, которые они выполняют.

Этюд в живописи нам хорошо известен. Все мы с интересом рассматриваем этюды Брюллова, Иванова, Репина, Сурикова к их знаменитым масштабным полотнам. Все мы знаем, что этюды эти являются подготовительными эскизами, набросками к большим многофигурным картинам. Десятки и даже сотни этюдов в конце концов сходятся в одном полотне, которое и является итогом, суммой, результатом всех подготовительных работ. И как бы сами по себе ни были ярки эти этюды (вспомним хоть суриковский набросок боярыни Морозовой в санях!), они имеют подчинённое, второстепенное значение и для самого художника, и для зрителя.

А что такое этюд в музыке? Казалось бы, служебное, второстепенное, сравнительно несложное (иногда, впрочем, очень сложное, специально — технически сложное!) произведение. Но даже при своей второстепенности, служебности, несложности — произведение всегда законченное, ни к чему другому, более масштабному, не относящееся. Имеющее самостоятельную, пусть и не всегда большую, художественную ценность.

В чём причина этого различия? Очевидно, в той онтологической категории, которая есть в музыкальном этюде и отсутствует в живописном наброске. Во времени. Именно протяжённость музыкального этюда диктует и наличие трех составляющих — начала, середины, конца. Но там, где есть эти три части, мы можем (а значит, обязаны) говорить о законченности художественного произведения, о его цельности и единстве. Итак, именно протяжённость во времени музыкального этюда обуславливает его художественную законченность. Отсутствие у живописного наброска временной протяжённости делает его именно незаконченным, несовершенным произведением.

Возвращаясь теперь к литературному (драматическому) этюду, мы определим без труда, что он — брат-близнец именно музыкального этюда. Почему? Да опять же в силу своей протяжённости во времени, в силу того, что в нём, как бы он ни был короток, есть начало, середина и конец. А значит — законченность и цельность художественного произведения.

* * *

Но к чему эти вроде бы очевидные философствования? Ну хотя бы к тому, чтобы навести относительный порядок в собственных мыслях, понятиях и категориях. Ведь понимая, что такое литературный (драматический) этюд, мы легче определим и те учебно-художественные задачи, которые он в состоянии выполнить.

Да, драматический этюд — малая форма драматургии, и в этом смысле он идеально подходит для проверки основных способностей абитуриентов на вступительных экзаменах. Способность человека к образно-художественному мышлению, умение увидеть сюжет (пусть небольшой) в его единстве и законченности, набросать если не характеры (пространства не хватает!), то хотя бы типажи, вызвать в читателе и зрителе если не глубокое потрясение, то хотя бы движение чувства, — всё это возможно и выполнимо во вступительном этюде.

Для примера упомяну этюд абитуриента (ныне студента) 2011 года — **Руслана Халилова**. Назвал он его — «Пьеска “Развал”». Действие происходит возле станции метро «Менделеевская», на книжном развале. А суть конфликта в том, что книги специально разложены так неудобно, что покупатель вынужден перебирать их двумя руками. И в это-то время целая шайка карманников старается вытащить из карманов покупателей кошельки... Написано очень кратко, скупо, ёмко. Подмечено явление, на которое почти никто не обращает внимания, почти никто не принимает его всерьёз. А ведь торговля и даже, не побоюсь этого слова, маркетинг, состоят именно из мелочей, которые нам, профанам, кажутся второстепенными. Но не таковы они для профессионалов. И в данном случае можно сказать, что профессионал литературы (а Руслан уже имеет сценарное образование) совершенно ясно увидел и обличил ухищрения профессионалов совсем другого рода...

* * *

Итак, этюд как средство проверки способностей абитуриента необходим и обязателен. Мало того, он полезен и в начальном периоде учебного процесса как своего рода тренажёр. Этюды мы писали нашим семинаром неоднократно. Темы были самые разнообразные: «Любовный треугольник на Марсе», «Случай из моей жизни», «Штанкет».

Хотя марсиане из любовного треугольника и поражали порой своей оригинальностью, «Штанкет» был всё же особенно успешным. Единственным нашим условием было то, что из всех возможных декораций на сцене — только опущенный штанкет, который может символизировать любой придуманный автором предмет. Одной из самых ярких миниатюр был этюд, где двое соперников-любовников висят на поручне сломавшейся канатной дороги над пропастью, а их пассия находится метрах в тридцати внизу и никак не может решить, кого же из них она больше любит...

* * *

Да, этюд может быть ярким, оригинальным, смешным, запоминающимся... Одна только беда: он не может быть по-настоящему глубоким.

И здесь мы должны коснуться экзистенции этюда. Его краткость (все мы знаем, что краткость — сестра таланта, но почему-то упускаем из виду, что это отнюдь не сам талант!), благодетельная вроде бы краткость — играет с ним злую шутку, не давая погрузиться в глубину смысла, не давая взлететь на высоту настоящих идей, не позволяя в полной мере ощутить экзистенциальную трагедийность человеческого бытия.

Вот потому-то я как мастер семинара с каждым следующим курсом всё меньше и меньше хочу получать от студента в качестве «художественной продукции» этюды, пусть даже самые блестящие. И уж тем более не вдохновляет перспектива защиты диплома, состоящего из одних этюдов. (Кстати, отличная защита 2011 года, «Шорты» **Никиты Ворожищева**, является одновременно и исключением из правила, и его подтверждением — мозаичность даже в этих ярких и профессиональных этюдах преодолеть не удаётся, хотя каждая пьеса сама по себе замечательна.)

Итак, этюд ставит самому себе границы, которые не может преодолеть. И главная из них — невозможность погружения в глубину человеческих переживаний, чувствований, страстей. Работа над большой вещью не только строится по более сложным законам драматургии (что очевидно и понятно!), но и требует гораздо более серьёзного и ответственного чувства писателя по отношению к жизни и человеку.

* * *

Чему же мы пытаемся их научить? Писать? Но это (хотя бы и абсолютно невозможно!) на самом-то деле довольно легко: есть несколько основных правил драматургии, которые можно заставить вы зубрить, запомнить и применять в каждой пьесе. Это легко — и вполне бесполезно, потому что технологии — ещё не содержание, как бы нас ни пытались убедить в обратном самые высокопоставленные гуру.

Так чему? Я думаю, всё-таки — смотреть выше и чувствовать глубже, чем они (да и все мы!) привыкли. Ощущать боль и счастье жизни — сильнее, чем это принято в повседневности. В общем, по слову великого мыслителя XX века Ивана Ильина — искать свой путь к очевидности. Мы хотим, если уж быть совсем честными перед собой и перед ними, чтобы им стало труднее жить и писать, потому что это — единственный способ стать настоящим человеком, силой своего слова способным изменить мир.

В. И. ГУСЕВ*

О ЛИТЕРАТУРЕ, ДЕЛАЕМОЙ НА ЗАКАЗ

Этюды относятся к той сфере, о которой в последнее время говорят — «маргинальные жанры». Это всё более заметно в литературе. Специфика их в том, что они не относятся ни к одному из традиционных и общепринятых жанров в прозе, но обладают той или иной степенью художественности в исполнении.

Этюд отличается тем, что это литература, делаемая на заказ. На заданную тему.

Вообще-то искусство, и даже большое искусство, не удивишь такой ситуацией. Достаточно назвать имена Леонардо да Винчи, Микеланджело и др.

В литературе творчество «на заданную тему» встречается реже. Хотя как реже? А журналисты, газетчики?

Тут встаёт вопрос о разнице между этюдом и журналистикой.

У журналиста, газетчика — свои практические, прагматические задачи. Автор этюда должен обнаружить художественные способности как таковые.

В каком случае это возможно?

Человек творческого склада копит свой душевный и духовный опыт, но иногда не знает, куда его спроецировать, как говорят, объективировать: на какой материал. Литературный критик знает, на какой: сам выбирает или ему

* Владимир Иванович Гусев — прозаик, поэт, критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы и литературной критики, руководитель семинара критики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru